

«Русская философия за рубежом: история и современность: коллективная монография / под ред. М.А. Маслина; сост. Л.Е. Моторина. М.: КНОРУС, 2017. 448 с.

Издание получилось исключительно интересным — и в информативном и в теоретическом отношении. Читателю открывается россыпь незнакомых соображений об именах и темах русской философии (от Соловьева до Михайловского, от метафизики до философии языка) и сведений об очагах философского россиеведения за рубежом. У книги двадцать четыре автора — не только москвичей, но и из США, Китая, Германии, Италии, Франции, Словении, Сербии, Польши. Тем не менее, имея в виду общий для всех предмет — русская философия — и его видение в культурно-историческом контексте, издатели назвали свое творение монографией. Книга, действительно, монографична. Книга — о том, где, в каких научных и университетских центрах мира изучают русскую философию, как о ней пишут и как ее оценивают. Попутно и часто, но совсем не специально, в книге присутствуют проблемы собственно историографии русской философии в целом.

Складывается впечатление, что всего внимательнее, с широким захватом тем воспринимают нашу философию немцы (пять статей Ю.Б. Мелих), французы (две статьи А.П. Козырева) и итальянцы (статьи О.И. Кусенко и Л.И. Моториной). Кстати, О.И. Кусенко уверяет, что «итальянские традиции изучения русской мысли являются флагманом западного россиеведения» (с.187). Замыкают этот ряд американцы, продолжающие традицию «золотого века» американского россиеведения, пришедшего на годы холодной войны (статья В.В. Ванчугова). К странам, где хорошо знают русскую философию и изучают ее долгие годы, теперь прибавился великий Китай! Поразительно, но в стране существует три центра изучения России. С 1985 г. при разных университетах Китая каждые два года проводятся симпозиумы по изучению советской и русской философии. В.В. Ванчугов, собиравший нам об этом, пишет: Китай «в настоящее время стал одним из мировых центров русских исследований» (с. 179).

Наконец, в книге имеются статьи об изучении нашей философии в славянских странах — Сербии (Б. Пантелич и В. Меденица), Словацкой республике (Е. Грегор), приведена библиография исследований русской философии в Польше (Д. Ванчык. М. Мильчарек). Предложена также обобщающая статья о «Русской философии в Восточной Европе» (С.А. Нижников и Л.Е. Моторина). Почти все статьи этой группы написаны очень кратко, и, к сожалению, обойдены должным вниманием Чехия (с ее богатейшей русско-

чешской философской жизнью до Второй мировой войны) и Польша. Последняя представлена здесь рассказом о творчестве А. Валицкого, но другие польские исследователи с иными, чем у него, акцентами в изучении русской философии не затронуты.

В статье Ю.Б. Мелих (о немецких штудиях русской философии) названы шесть государственных и общественных ныне действующих центров ее изучения. К ним я прибавил бы первую и единственную в Германии философию с особым уклоном на исследование восточно-европейской философии, которую с 1974 по 1987 г. пестовал В. Гёрдт. Во Франции А.В. Козырев называет тоже 6 центров с особым вниманием к русской мысли. О.И. Кусенко разделяет итальянскую философскую русистику на два направления — теологическое и университетское. У первого направления очаги современного изучения русской мысли перечислены автором на с. 153. Их одиннадцать! А еще к ним следует приплюсовать деятельность центра «Христианская Россия» (с 1957 г.) и издательства «Матренин двор» (с 1975 г.). Университетскую, историко-мировоззренческую ориентацию последования русской мысли продолжает А. Вентури (сын известного Ф. Вентури), Д. Стейла, А. Мазэро и ряд других преподавателей — Л. Сатта-Боскиан (Перуджа), Даниеле Серретти (Пиза). Дж. Риконда (Милан) и др.

Раздел «Интеллектуальные портреты» должен помочь ответить на другой вопрос: кто работает в этих центрах, кто изучает нашу мысль и несет знания о ней в научные и ненаучные круги иностранных читателей? В разделе предложены двадцать имен. Среди них оказались два представителя русского зарубежья — Б. Шлецер и А. Шлеман и почему-то Т. Масарик, чьи исследования стилистически и методологически более принадлежат XIX в., а отнюдь не современности. Итого, остается семнадцать портретов авторов-исследователей русской философии — славистов, бывших советологов, богословов, профессиональных философов. Некоторые из них (Мориз Дени, Сюй Фенлинь, Чжон Байчунь) описаны краткой библиографической справкой. Другие — рассказом не только о написанных ими книгах, но и об идеях, которыми они руководствуются при изучении русской философии.

Впрочем, всякого рода эпизоды в биографиях наших зарубежных коллег тоже что-то значат. Интересно, зачем Исаяе Берлину признаваться, что он не работал на английскую разведку? Умiliaет

ссылка Ф. Биллингтона на прочитанную в школьные годы «Войну и мир», что было началом пути к его книге «Икона и топор». А. Валицкий был знаком с С.И. Гессеном. Китайский коммунист Ан Цинянь побаивается негативных последствий промышленной цивилизации для Китая и думает совместить марксизм с ценностями религиозной философии. Наконец, многие стали «русистами» просто по службе в славистическом или советологическом центре (Д.П. Скэнлон).

И все же скоро на смену радости от знакомства с зарубежными коллегами приходит недоумение. Конечно, из семнадцати исследователей нашей философии за рубежом пять немцев — это очень правильно и очень оправдано живым русским отношением к немецкой философии. Но где имена Ютты Шеррер и Вольфганга Дитриха, которых считают выдающимися знатоками нашей философии? Я совсем не знаю немца Ассена Игнатъева, написавшего шесть книг о русской мысли (с. 91), но хотел бы хоть что-то узнать о нем. Опять же, — почему в «Интеллектуальных портретах» представлено пять имен от англоязычной русистики и только по одному от ведущих стран в области «философского россиеведения» — Италии, Польши и Франции? Почему целых три имени от только-только рожденного «россиеведения» в Китае?

Хотя инициаторы издания не ставили себе целью исследование методологий зарубежных историков русской философии, тем не менее разговор о ней неслышимо идет на протяжении всей книги. А начат он с прекрасного «введения», написанного М.А. Маслиным. Он пишет: «Русская философия ... обращена ко всеобщему, нацелена на осмысление универсальных философских проблем, таких, как сущность человека, его отношение к бытию, структура и характер бытия; место в нем человека; закономерность познания; смысл, содержание и направленность истории; жизнесмысловые и ценностные проблемы (счастье, красота, смерть, страдание, добро и зло) и др. В этом заключается собственное лицо, неповторяемость русской философии, ее отличие от инонациональных философских традиций»; «другими словами русская философия в ее истории является историко-философским отечествоведением...» (с. 16).

Как можно понять, наши зарубежные коллеги в зависимости от преходящих обстоятельств и от традиций уделяют разное внимание этим проблемам. У них складываются разные образы русской философии.

Например, из статьи В.В. Ванчугова «Англо-американская историография русской философии» следует, что у англосаксов внимание к русской мысли имеет скорее подоплеку политическую, а не общекультурную или гуманистическую.

Первыми лицами в англоязычной русистике авторы книги называют Д.Х. Биллингтона («крупнейший русист и непререкаемый авторитет в истории русской культуры и общественной мысли»,

с. 184), Д.Л. Клайна (создатель научного направления, изучающего русскую философию, с. 217), Д.Ф. Коплстона (он включил русскую мысль «в контекст всеобщей истории философии, которую он осветил так подробно, как никто из современных философов», с. 229) и Д.П. Скэнлона — «ведущего американского исследователя русской философии» (с. 250). Авторы статей о Д. Скэнлоне и Ф. Коплстоне уделили внимание тому, как эти ученые решают вопрос об отношении русской и мировой философии. Известно, что первый настаивал на том, что «Россия не нуждается в узконациональной русской философии»; такая позиция, дескать, противопоставляет Россию прочему интеллектуальному миру (см. с. 245). Собственно национально-философским в России он считает только то новое, что будет найдено русскими в колее европейской теоретической философии. Таким образом, например, является неолейбнизианство и философия права (там же). Другое национально-философское у нас — это П.Л. Лавров и Н.К. Михайловский. Что касается Д. Коплстона, то его позиция может показаться методологически противоречивой. В самом деле: он предпочитает говорить о «философии в России», подчеркивая тем самым, что она — часть европейского процесса развития философии. Увы, по уважительным историческим причинам она же, эта самая «философия в России» «вторична» по отношению к европейской. Этот суровый приговор смягчен Коплстоном: «В случае с Россией надо принять “широкий взгляд” и не слишком заботиться о разделении истории философии, истории идей, истории социальных теорий и религиозной мысли» (с. 226). Автор статьи о Коплстоне не счел нужным пояснить, чем же для ученого является этот самый «широкий взгляд». Он, наверное, не будет формулой снисходительности по отношению к нам; скорее всего, за ним скрывается понимание каких-то фундаментальных отличий нашей философии от европейской.

Осторожность в отношении к нашей мысли у англоязычных выражена Р. Бэрдом из Чикаго. Во-первых, он вообще скептически смотрит на возможность серьезного исследования русской мысли у англо-саксов: пока «русская философия не займет свою нишу на философских факультетах американских университетов, ей трудно рассчитывать на серьезные исследования как ее прошлого, так и ее потенциала» (с. 63). Во-вторых, у него дело этим не ограничивается: приоритетной задачей будущих исследователей он полагает «фокусирование» их усилий «на философском содержании русской мысли», а если такое «фокусирование» невозможно, то — «выделение оригинального философского содержания посредством тщательного анализа условий, в силу которых оно не представляет интереса для англо-американской философии» (там же). К Бэрду присоединяется Т. Зайфрид, исследователь А. Платонова. «Он отмечает, что трудно проводить обобщения в области русской

философии (или точнее, изучения русской философии), поскольку это поле деятельности достаточно аномально» (там же).

По счастью, такой скептицизм не повсеместен. Некоторые из англоязычных славистов, рассматривая русскую философию в контексте нашего литературоцентризма, обнаруживают в ней нечто позитивное. Например, Э.В. Клаус из США находит, что в таком контексте русская философия обретает статус форума, на котором обсуждаются метафизические, эстетические и этические проблемы с целью обретения индивидуальной и национальной идентичности. Э.В. Клаус надеется, что «благодаря ее книге англоязычные философы найдут альтернативную западной философскую традицию» (с. 61).

Судя по статьям о русистах во Франции и Италии, они тоже рассматривают нашу философию прежде всего в ее историко-культурном и социально-культурном существовании (не исключая и ее политического аспекта). Напротив, немецких исследователей — как это явствует из статьи Ю.Б. Мелих — более интересует теоретическая проблемность русской мысли. Уже при бурном начале советологии в 1940-е годы Г. Веттер заключает диалектический материализм в форму философии всеединства и находит «точки соприкосновения» его со славянофилами и религиозными философами начала XX в. (см с. 80). Автор называет главной фигурой в немецкой философской русистике В. Гердта (ум. В 2014 г.) с его книгой «Русская философия. Подходы и прозрения» (1984). Предложенная в ней панорама русской мысли — с конца XVII в. почти до наших дней — разделена автором на три периода, каждый из которых по-своему реализует соотношения единства и многообразия. Он интересно говорит о многоосновности русской философии (столь разные — Ломоносов и Сковорода, Радищев и Сперанский), а многообразие, постоянно присутствующее в нашей мысли, полагает конституирующим ее признаком, не отрицая при этом стремления к единству, отмеченному Г. Веттером (см. с. 83). В. Гердт безоговорочно утверждает европейский характер русской философии: «... Пока мы говорим на общие темы и отвечаем на общие вопросы, мы находимся в общей традиции, связанной не с чувствительностью, но с разумом» (с. 82).

Другой немецкий философ П. Элен находит, что поиск «понятийно-рациональных форм, которые позволяют выразить религиозное чувство и мысли», является одной из центральных проблем русской философии (см. с. 279).

Следуя такой установке, немецкие ученые пытаются пояснить то, что неприемлемо для англичанина Ф. Коплстона («Философия, ставящая перед собой задачу рационального преодоления ограниченности рационального мышления... была бы неприемлема для большинства философских факультетов

англоязычных стран» (с. 22–23) и что констатирует француженка М. Дени («русский тип бытия основан на идее Логоса, выражающего нечто неотмирное» (с.131).

Такую задачу выполняют исследования Х. Куссе (Германия) о феномене метадискурсивной аргументации, когда ее языковая форма испытывает влияние религии, политики, экономики и даже повседневности. Такое автор прослеживает во времени от Ломоносова до Лосева, находя русскую мысль двоящейся между «философией в России» и «русской философией» (с. 230–231). Тематически близкими являются исследования А. Хаардта о феноменологии, пришедшей к нам во время «ренессанса» метафизики, в которой доминировала платоновская традиция (см. с. 258).

Своеобразной интродукцией к основному содержанию книги является первый раздел, написанный редактором издания М.А. Маслинным — «Философское россиеведение за рубежом как предметная и проблемная область знания». В нем названы и довольно подробно проанализированы два сопряженных друг с другом источника зарубежной философской русистики XX в. Первым из них стали труды В.В. Зеньковского, Н.О. Лосского, Г.В. Флоровского, Г.П. Федотова, Д.И. Чижевского, оказавшихся за пределами своей родины после революции. Вторым источником стала советология, которая по своей идеологической и политической ангажированности непременно должна была заняться историей русской мысли. При этом антисоветский потенциал русского зарубежья был использован ею в полной мере.

М. А. Маслин обстоятельно рассматривает состоявшиеся почти на наших глазах изменения основной направленности западной историографии русской мысли. Он замечает, что «после распада СССР западные приоритеты в оценке русской философии радикально изменились» (с. 46). Русскую религиозную мысль, ранее ценимую как альтернатива марксизму, теперь упрекают в недоверии к западной цивилизации, в ненужном будто бы внимании к самобытности русской культуры.

Раздел книги, следующий сразу же за «Интеллектуальными портретами», называется «Русская философия в текстах зарубежных ученых» и призван, по-видимому, продемонстрировать уровень современных исследований наших зарубежных коллег. Здесь помещены два выступления А. Валицкого. Одно из них — о «Русской идее», которую он интерпретирует прежде всего как форму национальной идентификации и «как правило, хотя и не без исключений, уникальной миссии России во всемирной истории человечества» (с. 316). Не могут быть не отмечены статьи М. Дени «Темпоральность и эсхатология в России на примере Н. Бердяева» и Х. Куссе «Диалектическая модель культуры Ф. Степуна и Ф. Франка», а также китайский исследователь Ань Цинянь с его «Достоевским и

Марксом». Позабавит Д. Клайн заметками об «орфографическом атеизме» в СССР и др.

В последнем разделе собраны воспоминания о скончавшемся в 2016 г. американском знатоке русской мысли Д.П. Скэнлоне.

Не нужно упрекать инициаторов издания за то, что ими упущено или недоработано. Скажем прямо, сделанного вполне достаточно, чтобы нам самим начать новый круг осмысления философского опыта России. И все же нельзя не заметить некоторые оплошности инициаторов издания. С первой из них читатель встречается уже в «Оглавлении». Фамилии авторов разделов и подразделов отсутствуют. Работать с текстом трудно; нужно постоянно возвращаться к с. 8 «Приложения», где имена искомых авторов набраны сплошь, в несколько строк. Без указания имен авторов даны названия статей наших зарубежных коллег в четвертом разделе.

Еще одно замечание. Во французском названии «Антологии русской мысли от Карамзина до Пушкина» термин «догоняющее развитие» переведен как «догоняние» (с. 137). Название известной статьи С.Н. Булгакова «Основные проблемы теории прогресса» из «Проблем идеализма», упомянутое в статье Ань Циньяня, переведено неверно —

«Главные вопросы теории эволюции» (с. 379). Есть и малопонятные слова («эtabilмированный», «ирритирующее» или «перлокутивный»). Таких досадных мелочей могло бы и не быть.

Но в целом книга получилась интересной и, главное, нужной.

А.А. Ермичев
(Санкт-Петербург)

Ермичев Александр Александрович — Русская христианская гуманитарная академия, Санкт-Петербург, 191011, набережная реки Фонтанки, д. 15.

Доктор философских наук, профессор Русской христианской гуманитарной академии.

Ermichyov Aleksander A. — Christian Academy for Humanities, 15, Fontanka, St. Petersburg, 191011, Russian Federation.

DSc in Philosophy, Professor of Christian Academy for Humanities.

7723516@gmail.com

DOI: 10.31857/S004287440005361-2